

Научная статья
УДК 94(5-012)
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/129-135>

Архитектура региональной безопасности в Восточной Азии

Сергей Александрович Верхоломов
Комсомольский-на-Амуре государственный университет,
Комсомольск-на-Амуре, Россия, verholomov_s@mail.ru

Аннотация. Восточная Азия является одним из быстро развивающихся регионов, который по уровню развития догоняет ведущие страны и регионы мира. Зарубежные и отечественные исследователи полагают, что восточноазиатский регион в будущем станет центром мирового развития. Вместе с этим усиливается вероятность прямого столкновения между странами в борьбе за лидерство. С целью защиты собственных интересов и мира, государства Восточной Азии участвуют в различных системах безопасности. Целью статьи выступает анализ региональных систем безопасности, сложившихся на территории Восточной Азии на сегодняшний день. Автор при работе над докладом использовал российские и зарубежные историографические источники, описал архитектуру восточноазиатской региональной безопасности в ретроспективе и перспективе, охарактеризовал влияние различных международных акторов на судьбу Восточной Азии. Статья будет интересна как специалистам, так и всем тем, кто интересуется историей Восточной Азией, международным отношениям и всемирной историей.

Ключевые слова: АСЕАН, "система оси и спиц", АУКУС, Индо-Тихоокеанской регион, глобальный "Юг", хуацяо

Для цитирования: Верхоломов С. А. Архитектура региональной безопасности в Восточной Азии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 4. С. 129–135. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/129-135>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/129-135>

The architecture of regional security in East Asia

Sergey A. Verkholomov
Komsomolsk-on-Amur State University, Komsomolsk-on-Amur, Russia, verholomov_s@mail.ru

Abstract. East Asia is one of the rapidly developing regions, which is catching up with the leading countries and regions of the world in terms of development. Foreign and domestic researchers believe that the East Asian region will become the center of world development in the future. At the same time, the likelihood of a direct clash between the countries in the struggle for leadership increases. In order to protect their own interests and peace, East Asian States participate in various security systems. The purpose of the article is to analyze the regional security systems that have developed on the territory of East Asia today. The author, while working on the report, used Russian and foreign historiographical sources, described the architecture of East Asia regional security, characterized the influence of various international actors on the fate of East Asia. The article will be of interest to both specialists and all those who are interested in the history of East Asia, international relations and world history.

Key words: ASEAN, the "axis and spokes" system, AUKUS, Indo-Pacific region, global "South", huaqiao

For citation: Verholomov S. A. The architecture of regional security in East Asia // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 4. P. 129–135. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/129-135>

Трансформация международных отношений, вызванная ослаблением позиций США в мире, продвижением азиатского (китайского) варианта глобализации и усилением интеграционных процессов в Восточной Азии привели к возникновению нового комплекса противоречий. Созданная в период Холодной войны система безопасности в регионе не справляется с новыми вызовами, а разворот Вашингтона во внешней политике в 1990-е – начале 2000-х гг. в сторону Ближнего Востока создаст международный вакуум. В свете меняющейся расстановки сил начался поиск новых подходов и инструментов выстраивания региональной безопасности в регионе.

Сложившейся ситуацией страны АСЕАН решили воспользоваться для создания собственного варианта коллективной безопасности. На протяжении 1990–2000-х гг. страны Юго-Восточной Азии в целях укрепления сотрудничества в сфере безопасности создадут блок организаций – региональный форум АСЕАН (1994 г.), Восточноазиатский саммит (2005), АСЕАН плюс три (2008), Совещание министров обороны АСЕАН+8 (2010), расширенный морской форум АСЕАН (2012). "Сегодня АСЕАН – единственная многосторонняя организация во всей большой ВА, служащая площадкой, где как малые и средние страны региона, так и мировые державы могут на равных обсуждать и искать пути решения проблем безопасности" [3, с. 58]. Но в свете меняющегося ба-

ланса сил в Восточной Азии роль АСЕАН как ключевого элемента в формировании институтов региональной безопасности становится предметом дискуссии в научных кругах.

Успех АСЕАН в создании системы безопасности в Восточной Азии исследователи объясняют приверженностью принципам суверенитета, невмешательства и территориальной целостности [19]. "Дипломатия компромисса", предложенная странами Юго-Восточной Азии в феврале 1976 г., основывается на принципе "трех нет", который заключается в неприсоединении к военным союзам, в отказе от совместных действий, направленных против третьей стороны, а также в неприемлемости подрыва суверенитета какого-либо государства" [1, с. 41]. Такой политикой страны АСЕАН стремятся преодолеть принудительную систему союзов, созданную на территории Восточной Азии Соединенными Штатами Америки.

Многосторонний дипломатический подход, который используется странами АСЕАН в конструировании проекта региональной безопасности, опирается и на экономические инструменты. В основе расширения контактов между странами Восточной Азии лежат взаимные торговые соглашения. Беспрецедентное увеличение количества взаимных торговых соглашений за рамками Всемирной Торговой организации (ВТО), которые заключались по принципу "миска с лапшой", являются ключевым элементом формирующейся архитектуры экономического сотрудничества [12]. Взаимные торговые соглашения являются каналами взаимодействия, по которым происходит установление и расширение контактов между странами Восточной Азии. Поэтому государства АСЕАН придерживались малорискованной дипломатии неофициальных встреч и необязательных соглашений для выстраивания отношений внутри регионального блока, так как это давало возможность максимально извлекать экономическую выгоду от сотрудничества друг с другом [16].

Мягкий (легкий) регионализм, выстроенный странами АСЕАН, остается мощным стимулом интеграции и формирования региональной идентичности. Однако перечисленные достоинства, одновременно являются сдерживающим фактором развития институтов региональной безопасности в Восточной Азии. Слабость АСЕАН обусловлена ограниченной ролью генерального секретаря и инструментов вмешательства в разрешении конфликтных ситуаций. Для реформирования институтов региональной безопасности необходимо согласие всех участников соглашения об урезании национального суверенитета с целью создания внешнего контролирующего органа, что противоречит основополагающему принципу АСЕАН. Для участников АСЕАН лучше скрыть проблему, нежели привлечь к ней внимание. Поэтому практически все конфликты между странами ЮВА и внешними игроками разрешались не в рамках АСЕАН, а за его пределами – международном арбитражном трибунале, международном суде, ООН, но не как не в рамках АСЕАН. Так произошло с камбоджийско-тайским пограничным конфликтом 2008–2011 гг., территориальными спорами в Южно-Китайском море, бирманским вопросом и т.д. [7]

Структура региональной безопасности в Восточной Азии, создаваемая на основе принципа "гибкого взаимодействия", позволяет избегать государствам АСЕАН заключать военные союзы с другими игроками. Но усиливающаяся напряженность в Восточной Азии из-за нарастающей борьбы между ведущими игроками за контроль над регионом, сделал страны ЮВА невольными участниками конфликта между Китаем и США, а в будущем между Китаем и Индией. Ведущие страны региона – Индия, Япония, Австралия, Китай, США – стали переманивать страны АСЕАН на свою сторону, что привело к фрагментации геополитического пространства Юго-Восточной Азии. Неудивительно, что развитие региональных проектов (ВРЭП, АРФ, АПТА и др.), где ядром выступает АСЕАН, тормозится. Многосторонние региональные площадки и институты, сложившиеся в Восточной Азии под руководством АСЕАН – ВАС, совещание министров обороны АСЕАН, АРФ и т.д., скорее всего, не смогут справиться с задачей сохранения порядка в связи с перераспределением власти в восточноазиатском регионе.

Наряду с асеановской моделью коллективной безопасности в Восточной Азии представлен американский вариант. Система безопасности, представленная США, формировалась в период Холодной войны и была направлена на сдерживание СССР и его союзников в регионе. Суть данной модели

заключается в том, что ""система оси и спиц" базируется на принятой Пентагоном посылке о потенциальной возможности перехода некоторых стран данного региона в статус "враждебных". За счет перекрытия зон ответственности в рамках двусторонних договоров с союзниками США пытаются обеспечить дополнительный "запас прочности" америкоцентристскому комплексу региональной безопасности" [5, с. 72].

Практика объединения держав посредством коалиций и союзов, существовавшая в период Холодной войны, становится неэффективной. И в отличие от биполярных систем стабильность в однополярной системе не может основываться на равновесии сил между двумя конкурирующими крупными державами. Основной целью стратегии американцев в новую эпоху является обеспечение мира и стабильности посредством создания превосходства сил США. Для сохранения гегемонии США путем реализации политического, экономического и военного превосходства над потенциальным противником осуществляют стратегию "дисбаланса сил" в мире. При реализации обозначенного внешнеполитического курса ресурсы США могут и должны использоваться для запугивания всех потенциальных противников и успокоения всех партнеров по коалиции. Корейская угроза, исламский фундаментализм, распространение ядерного оружия в странах Третьего мира – вот неполный перечень угроз, которые "создали" США для реализации стратегии "дисбаланса мира" [11].

Стратегия "дисбаланса сил", проводимая в период президентства Б. Клинтона, Дж. Буша-младшего была обречена на провал. Она была создана для предотвращения появления новых полюсов власти, но в конце 2000-х гг. американская система безопасности допустила появление внешнеполитических центров – Германия, Китай, Россия и международных организаций (БРИКС), бросивших вызов гегемонии США. В сложившихся условиях Соединенные Штаты сформировали новую модель коллективной безопасности. Ситуация осложнилась Мировым финансовым кризисом 2008 г. и приходом к власти в США правых сил во главе с Д. Трампом.

Новая модель включает не одну стратегию, а несколько: избирательное столкновение, реализуемое Б. Обамой, неизоляционизм, проводимый Д. Трампом, совместная (кооперативная) безопасность – Дж. Байдена. Перечисленные стратегии не противоречат, а, наоборот, в процессе развития американской системы безопасности дополняют друг друга.

Стратегия "избирательного столкновения" признает появление крупных держав, бросивших вызов США. В рамках данной системы безопасности американские власти предлагают создание коалиции/коалиций (где они будут главенствовать) для борьбы с общим врагом, поэтому можно говорить о восстановлении системы "оси и спиц". С целью практического воплощения своей стратегии США нагнетают обстановку вокруг территориальных споров в Южно-Китайском море, на Корейском полуострове, поднимают проблемы демократии и соблюдения прав человека в Китае, предоставляют гарантии безопасности государствам Юго-Восточной и Восточной Азии [11].

В период президентства Д. Трампа Соединенные Штаты во внешней политике перешли к политике неизоляционизма. Американский президент отказывается от дорогостоящих международных проектов в пользу решения накопившихся социально-экономических проблем. Переход к неизоляционизму должен был позволить освободить США от ряда дорогостоящих обязательств и сложных вопросов, таких как "непродуманное расширение" НАТО, войны на Балканах, экономическая реформа России, северокорейская угроза и арабо-израильский конфликт. Но осознавая нарастающую угрозу со стороны Китая, США решают с ним бороться не напрямую, а используя третьи страны, некоммерческие организации и международные институты. На протяжении всего президентского срока Д. Трампа некоммерческие организации и международные институты подрывали "мягкую силу" Китая, а оснований для этого было достаточно – Covid-19, промышленный шпионаж, нарушение прав человека в Китае, запугивание соседей и союзников и т.д. [15]. А с целью военно-технического сдерживания Китая США перекладывают обязанности по защите своих интересов на Японию, Индию и Австралию, поэтому на стадии разрастания напряженности между Пекином и Вашингтоном появляются

ся первые зачатки нового регионального блока AUKUS, а АТР (Азиатско-Тихоокеанский регион) расширяется до ИТР (Индо-Тихоокеанской регион).

С приходом к власти Дж. Байдена в 2021 г. стратегия региональной безопасности в Восточной Азии начала меняться, но ее отличительная особенность заключается в том, что она использует опыт предыдущих президентов.

Во-первых, в стратегии национальной безопасности США, выпущенной в 2022 г., Китай объявлен главным соперником коллективного Запада, а Индо-Тихоокеанский регион будет играть ключевую роль во внешней политике Вашингтона [14].

Во-вторых, американская администрация решила сформировать военный союз из государств по периметру КНР, используя "систему оси и спиц" – то, чего не удалось сделать во времена Б. Обамы [6, с. 20]. Для достижения данной цели были сформированы AUKUS (союз Австралии, США и Великобритании), второе рождение получает QUAD (четырёхстороннее соглашение Австралии, США, Индии и Японии).

В-третьих, США выстраивают кооперативную систему региональной безопасности в Восточной Азии. Для реализации данной стратегии американские власти используют опыт Д. Трампа во внешней политике, где большую роль играют международные институты и некоммерческие организации. Поэтому их роль не уменьшается, а наоборот увеличивается [17].

В-четвертых, США будут проводить политику "дисбаланса сил" для переманивания на свою сторону государств Юго-Восточной Азии, так как страны АСЕАН будут искать гарантии безопасности против сильного Китая.

В-пятых, США придают особое значение экономическим организациям (АСЕАН, АТЭС) и проектам (ПРЕФ, РГП, ВЗВ), которые должны стать прямыми конкурентами китайской инициативы "Один пояс, один путь".

При изучении проектов систем региональной безопасности исследователи выделяют американский и асеановский варианты, но не рассматривают китайскую модель, которая бросает вызов сложившимся восточноазиатским международным институтам.

После завершения саммита Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в ноябре 2014 г. в Пекине состоялось политическая конференция, которая дала более четкое представление о направлении китайской дипломатии. На этом заседании, на котором присутствовал комитет Политбюро, члены Госсовета, члены ключевых партийных органов, было принято решение о реформировании международного порядка с целью возрождения великой китайской нации [8].

Китай – это держава, которая стремится вернуть себе законное место в мировой политике, в то время как Соединенные Штаты находятся на стадии упадка, о чем свидетельствует изнашивающийся порядок глобальной политики и несостоятельная модель внутреннего управления. В преддверии 2049 г., столетия со дня основания КНР, Соединенным Штатам следует ожидать, что Китай объявит о широком спектре военных, экономических и технологических целей, которые он намерен достичь к этой дате. Для достижения поставленной цели Китаю нужно создать благоприятный международный климат на территории Восточной Азии и мировой арене, а это означает и создание собственной модели системы союзов [21].

Отечественный экономист В.Я. Портяков отмечает, что "пришедшее к власти в конце 2012 – начале 2013 г. пятое поколение руководителей КПК и КНР во главе с Си Цзиньпином всецело солидаризировалось с идеей продолжения поступательного возвышения Китая, выдвинув при этом собственный, весьма амбициозный лозунг осуществления "китайской мечты" [4, с.180].

Многие американские исследователи (К. Хопвелл, А. Вайн, С. Патрик) отмечают, что Китай с целью сдерживания США и его союзников в регионе и мире собирает свою "волчью стаю". При этом КНР осознает, что созданные союзы являются результатом взаимодействия различных сил. Национальные интересы не статичны, они могут меняться из-за экономических колебаний, смены конфигураций власти, с приходом нового правительства, поэтому нереально ожидать, что стратегии альянсов останутся неизменными. Поэтому следует говорить не об одном союзе, а нескольких – Китай создает собственный вариант "оси и спиц". Но в отличие от американского проекта китайская модель на первое место ставит экономические задачи [13]. Данную стратегию

можно наблюдать при выстраивании отношений со своими потенциальными союзниками и другими международными организациями, действующим на территории Восточной Азии. Китай стремится вступить в проект ТТП, подмывает под себя асеановский проект ВРЭП, усиливает сотрудничество с Россией, Монголией, странами АСЕАН, Республикой Корея, занимает ведущие позиции в АТЭС, ШОС и т.д. И с целью успешного закрепления сотрудничества с потенциальными союзниками Китай ищет различные точки соприкосновения – космическая отрасль, технологии, экологические проекты, борьба с терроризмом и т.д. с целью углубления сотрудничества со странами региона. В этом преимущество Китая перед своими потенциальными противниками, так как США и их союзники заключают союзы на основе противостояния Китаю и его агрессивной политики.

В отличие от американской системы региональной безопасности, КНР выступает за выстраивание отношений со всеми участниками восточноазиатского региона на равных условиях. При этом китайское руководство разрабатывает международный порядок на основе сотрудничества "Юг-Юг". Политика, проводимая Китаем в Восточной Азии, направлена против США и его партнеров. В условиях борьбы один на один американское руководство, очевидно, победит, поэтому КНР решило сосредоточиться на "единстве" и "солидарности" с другими развивающимися странами в борьбе против Соединенных Штатов.

Схема сотрудничества "Юг-Юг" предоставила Китаю доступ к многочисленным материальным и человеческим ресурсам для производства товаров; доступ к маршрутам и стратегическим центрам распределения и коммерциализации товаров; углубление дипломатических отношений, позволяющих развивать экономическое сотрудничество со странами глобального Юга. И все это осуществляется в рамках инициативы "Один пояс, один путь" [10].

При реализации экономического проекта Китай создает альтернативные модели финансовой и торговой систем, которые являются мощным стимулом сближения государств Восточной Азии. Вытеснение ВБ, МВФ и ВТО из региона дает возможность не только осуществлять глобализацию с китайской спецификой, но и являются основанием для реформирования существующей глобальной финансовой системы [9]. Выстраивая глобальную инфраструктуру, китайское руководство конструирует модель региональной безопасности в Восточной Азии. При этом Пекин понимает, что без учета мнений и позиций АСЕАН невозможно создать систему региональной безопасности. В "Глобальной инициативе по безопасности", озвученной Си Цзиньпином в 2021 г., совершенствование механизмов регионального сотрудничества должно проходить с опорой на АСЕАН, в том числе в рамках формата Ланьцанг-Меконг [20].

Еще одной отличительной чертой китайской дипломатии выступает эффективное использование общин "хуацяо". "Многие китайцы в ЮВА заняты в различных сегментах предпринимательской деятельности и преуспели в выстраивании не только эффективных корпоративных и бизнес-стратегий, но и налаживании и поддержании деловых связей с администрациями всех уровней в странах своего проживания. Тем самым китайские диаспоры становятся ключевым инструментом продвижения интересов КНР на азиатском юго-востоке" [2, с.32].

Руководство КНР осознает важность данного ресурса, поэтому при Си Цзиньпине происходят изменения в структуре управления аппарата диаспоры. В 2018 г. Управление по делам зарубежных китайцев при Государственном Совете Китая было включено в работу ЦК КПК. Реструктуризация аппарата направлена на укрепление связей диаспоры и КПК (а не государства). Все это является свидетельством изменения стратегии в отношении диаспоры. В рамках нового направления в политике в отношении "хуацяо", предложенного Си, зарубежные китайцы должны отстаивать интересы Китая, предпринимать меры по распространению китайской культуры, облегчать влияние Китая на деловые круги других стран [18].

На Западе и Востоке деловые связи развиваются по-разному. На Западе контакты носят корпоративный характер, поэтому одной из стратегий борьбы США с КНР – это продвижение проекта недружественных Китаю международных организаций и некоммерческих организаций. На Востоке (Восточной Азии) отношения выстраиваются на основе личных связей. И китайское ру-

ководство стремится использовать данный механизм в своих целях, поэтому роль "хуацяо" и "гуаньси" не ослабевает, а, наоборот, усиливается. По этой причине американские стратегии раз за разом терпят неудачи в Восточной Азии, так как "гуаньси" имеет стратегическое измерение: отношения выстраиваются таким образом, чтобы у партнеров были веские причины сотрудничать долгие годы даже при появлении привлекательных альтернатив" [2, с.40].

Таким образом, на территории Восточной Азии можно выделить несколько моделей систем безопасности – асеановскую, американскую и китайскую. Каждый из представленных проектов по-своему уникален. Китайский проект – это объединение глобального "Юга" против Запада. Американская модель обращена на борьбу с Китаем. АСЕАН свои усилия направляет на сохранение баланса сил. При этом по мере роста противоречий в регионе роль асеановской модели ослабевает, а вместе с этим усиливает риск прямого столкновения государств в регионе.

Литература

1. Губин А.В. Военно-политические аспекты баланса сил в Восточной Азии: роль Японии, Республики Корея и стран АСЕАН // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2022. Т. 15. № 1. С. 29–49.
2. Канаев Е.А. Китайское деловое присутствие в Юго-Восточной Азии как фактор развития инициативы "Пояс и Путь" // *Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития*. 2022. Том. 1. № 1. (54). С. 30–43.
3. Новые вызовы и механизмы безопасности в Восточной Азии. Отв. ред.: В.М. Мазырин. М.: "ФОРУМ", 2016. 440 с.
4. Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI. М.: ИДВ РАН, 2015. 278 с..
5. Стрельцов Д.В. Case-study: регион Восточной Азии в мировых политических и экономических процессах // *Сравнительная политика* 2010. № 2. С. 72–86.
6. Цветкова Н., Стругач Ф. США в АТР. Влияние экспертного сообщества на процесс принятия внешнеполитических решений // *АЗИЯ И АФРИКА сегодня*. 2019. № 3. С. 18–23.
7. Ba A. D. Multilateralism and East Asian transitions: the English school, diplomacy, and a networking regional order // *International Politics*. 2020. No 57. P. 259–277.
8. Boon Tiang H., Li M., Char J. Introduction to the Special Issue: New Trends in Chinese Foreign Policy // *Asian Security*. March. 2017. 1–5 p.
9. Breslin S. *Handbook of China's International Relations*. Routledge. L., N-Y. 2010. 278 p.
10. Dal E. P. *G20 Rising Powers in the changing International development landscape*. Palgrave Macmillan. Istanbul 2022. 202 p.
11. Edstrom H., Westberg J. *Military Strategy of Great Powers Managing Power Asymmetry and Structural Change in the Twenty-first Century*. New York, London. Routledge. 2022. 264 p.
12. Hicks R., Kim S.Y. Reciprocal trade agreements in Asia: credible commitment to trade liberalization or paper tigers? // *Journal of East Asian studies*. 2012. No 12. P. 1–29.
13. Hopewell K. How China lost its wolf pack // *International Affairs*. 2022. № 98 (6). P. 1916–1935.
14. *Indo-Pacific strategy of the United States*. The White House. Washington. February. 2022. 19 p.
15. Kurlantzick J. *China's Collapsing Global Image. How Beijing's Unpopularity Is Undermining Its Strategic, Economic, and Diplomatic Goals*. New York. 2022. 38 p.
16. Martin D. J., Jenne N. Weak states' regionalism: ASEAN and the limits of security cooperation in Pacific Asia // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2015. Vol. 16. No 2. P. 209–240.
17. Patrick S. Four Contending U.S. Approaches to Multilateralism. *Carnegie Endowment for International Peace*. January 2023. 48 p.
18. Schäfer C. China's Diaspora Policy under Xi Jinping. Content, limits and challenges. *German Institute for International and Security Affairs*. Berlin. 2022. Paper 10. 34 p.
19. *The ASEAN charter*. Jakarta. 2008. 59 p.
20. *The Global Security Initiative Concept Paper*. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202302/1285900.shtml?id=11> (дата обращения: 31.07.2022).
21. Wyne A. *America's Great-Power Opportunity. Revitalizing US Foreign Policy to Meet the Challenges of Strategic Competition*. Cheshire Typesetting Ltd, Cuddington, Cheshire. 2022. 251 p.

References

1. Gubin A.V. Military-political aspects of the balance of power in East Asia: the role of Japan, Republic of Korea and ASEAN countries // *Contours of global transformations: politics, economics, right*. 2022. T. 15. No. 1. Pp. 29–49. (In Russ.).
2. Kanaev E.A. Chinese business presence in Southeast Asia as a development factor Belt and Road Initiative // *Southeast Asia: Current Development Issues*. 2022. Vol. 1. No. 1. (54). Pp. 30–43. (In Russ.).
3. New challenges and security mechanisms in East Asia. Rep. ed.: V.M. Mazyrin. M.: "FORUM", 2016. 440 p. (In Russ.).
4. Portyakov V.Ya. Foreign policy of the People's Republic of China in the 21st century. M.: IFES RAS, 2015. 278 p. (In Russ.).
5. Streltsov D.V. Case-study: the East Asian region in global political and economic processes // *Comparative Politics* 2010. No. 2. Pp. 72–86. (In Russ.).
6. Tsvetkova N., Strugach F. USA in the Asia-Pacific region. The influence of the expert community on the process of making foreign policy decisions // *ASIA AND AFRICA today*. 2019. No. 3. Pp. 18–23. (In Russ.).
7. Ba A. D. Multilateralism and East Asian transitions: the English school, diplomacy, and a networking regional order // *International Politics*. 2020. No 57. P. 259–277.
8. Boon Tiang H., Li M., Char J. Introduction to the Special Issue: New Trends in Chinese Foreign Policy // *Asian Security*. March. 2017. 1-5 p.
9. Breslin S. *Handbook of China's International Relations*. Routledge. L., N-Y. 2010. 278 p.
10. Dal E. P. *G20 Rising Powers in the changing International development landscape*. Palgrave Macmillan. Istanbul 2022. 202 p.
11. Edstrem H., Westberg J. *Military Strategy of Great Powers Managing Power Asymmetry and Structural Change in the Twenty-first Century*. New York, London. Routledge. 2022. 264 p.
12. Hicks R., Kim S.Y. Reciprocal trade agreements in Asia: credible commitment to trade liberalization or paper tigers? // *Journal of East Asian studies*. 2012. No 12. P. 1–29.
13. Hopewell K. How China lost its wolf pack // *International Affairs*. 2022. № 98 (6). P. 1916–1935.
14. Indo-Pacific strategy of the United States. The White House. Washington. February. 2022. 19 p.
15. Kurlantzick J. China's Collapsing Global Image. How Beijing's Unpopularity Is Undermining Its Strategic, Economic, and Diplomatic Goals. New York. 2022. 38 p.
16. Martin D. J., Jenne N. Weak states' regionalism: ASEAN and the limits of security cooperation in Pacific Asia // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2015. Vol. 16. No 2. P. 209–240.
17. Patrick S. Four Contending U.S. Approaches to Multilateralism. Carnegie Endowment for International Peace. January 2023. 48 p.
18. Schäfer C. China's Diaspora Policy under Xi Jinping. Content, limits and challenges. German Institute for International and Security Affairs. Berlin. 2022. Paper 10. 34 p.
19. The ASEAN charter. Jakarta. 2008. 59 p.
20. The Global Security Initiative Concept Paper. URL.: <https://www.globaltimes.cn/page/202302/1285900.shtml?id=11> (accessed 31.07.2022).
21. Wyne A. America's Great-Power Opportunity. Revitalizing US Foreign Policy to Meet the Challenges of Strategic Competition. Cheshire Typesetting Ltd, Cuddington, Cheshire. 2022. 251 p.

Информация об авторе

Сергей Александрович Верхоломов, старший преподаватель кафедры «История и культурология» Комсомольского-на-Амуре государственного университета, Комсомольск-на-Амуре, Россия, verholomov_s@mail.ru

Information about the author

Sergey A. Verkhomov, Senior lecturer, Department of History and Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State University, Komsomolsk-on-Amur, Russia, verholomov_s@mail.ru

Поступила в редакцию 21.09.2023

Одобрена после рецензирования 15.11.2023

Принята к публикации 23.11.2023

Received 21.09.2023

Approved 15.11.2023

Accepted 23.11.2023